

себе не просто близкие люди, а вольно обращающиеся с языком стилисты. «Видишь, что я теперь весел; а все от того, что ты меня рожей назвал <...>. Что доношением моим довольны были, слава Богу: дай Бог и впредь угодить! Да только на тебя урода все не угодда <...>. Помилуй, государь, раба своего! Тфу пропасть!» (76, 89). За полстолетия до саркастических монологов Чацкого они потешались над смешением французского с нижегородским, называли Львова, имеющего усадьбу под Торжком, «Mon cher Новоторжец». Для просвещенных современников Чацкого этот юмор покажется, конечно, простодушным и безыскусным острословием старика прошлого века, шутившего «отменно тонко и умно, но нынче несколько смешно». Однако высокая культура светского разговора «без пошлых тем, без вечных истин, без педантизма» оттачивалась именно в *table-talk* «за полночь» и в письмах участников кружков, подобных кружку Львова—Державина—Капниста—Хемницера.⁶³ Эти никак не санкционированные властью объединения литераторов, наряду с возникающими салонами и масонскими ложами, были теми нервными точками, через которые проходили невидимые, но мощные силовые линии самоопределяющейся культуры дворянства. Зреющее за раскованной, искрящейся юмором беседой внутреннее интеллектуальное напряжение вспыхнет в XIX в. онегинской строфой, каламбурами под горячий пунш и катастрофой на Сенатской площади.

Заложенная Петром крепнущая и расширяющаяся Российская империя к правлению Екатерины II имела уже свою четкую идеологическую доктрину, эффективно воздействующую на сознание подданных. Непререкаемая ценность «государственной пользы» подчинила и растворила в себе конфессиональные различия, национальную самоидентификацию и даже сословные притязания.

Выросший в России сын лекаря из Фрайбурга не только овладел русским языком, как родным немецким. Он воспринял пафос имперского патриотизма, конфессиональную терпимость и мечты просвещенного помещика-интеллектуала в отставке. Хемницер никогда не был землевладельцем и практически не имел крепостных, за исключением разве подаренного ему Капнистом мальчика-слуги, который сопровождал его до Смирны и о судьбе которого генеральный консул ни разу не упомянул в письмах. Между тем он прекрасно усвоил складывавшуюся веками систему мышления крепостника — исчислял богатство душами, «пребывающий в рабстве на-

⁶³ См. новейшие работы об этом кружке: *Pome X*. «Избрал он совсем особый путь». (Державин с 1774 по 1795 г.) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 248; *Гений вкуса*: Н. А. Львов: Материалы и исследования. Сб. 1—3. Тверь, 2001—2003; *Николаев С. И.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 18, и др.